Первый русский император, как пример национального лидера

Разные эпохи в истории народа требуют преимущественно не одинаковых деятелей: то духовных наставников, то государственных строителей, то национальных героев. Критические и переломные эпохи в жизни народа порождают нужду в национальном лидере, в таком деятеле, который соединяет в своем лице два или даже все три из названных качеств, концентрирует в себе национальную волю и энергию, ясно сознавая при этом важнейшие задачи, стоящие перед его народом. Национальный лидер, имея ясный ум и твердую волю, умеет при этом сплотить вокруг себя и возглавить ведущий национальный слой, государственную элиту, и тем самым оказывается способным вывести народ из кризисного состояния. Завершением дела национального лидера является победа страны, ее успех, причем долгосрочный, вдохновляющий нацию и укрепляющий государство на десятилетия вперед.

Нынешняя эпоха постепенного выхода российской государственности из кризиса и деградации требует в равной мере и духовных лидеров, и государственных строителей, и героев. Все более остро в обществе ощущается необходимость в «хозяине земли Русской», способном устроить и держать в своих руках государственное правление, обуздать олигархию и коррумпированную бюрократию, поднять народное хозяйство. Острая потребность в техническом переоснащении промышленности ставит вопрос о технически грамотном руководителе, способном провести настоящую техническую модернизацию, - вместо тех юристов и финансистов, которые подменяют это дело различными схемами по нецелевой растрате бюджета. Для немалой части населения, опустившейся или охваченной праздностью и сибаритством, необходим пример подлинной воинской доблести, способный увлечь за собою хотя бы часть нации. Наконец, для всей страны, уставшей уже более двух десятилетий жить с клеймом проигравших в холодной войне, испытавшей тяжкие неудачи, позор и падение престижа, необходим воодушевляющий пример национальной славы, победы, - причем пример не из далекого прошлого, а из современности.

Однако примеры национального лидера следует искать именно в истории, хотя бы для того, чтобы лучше понять, о ком идет речь. Есть смысл взглянуть на личность и деятельность первого русского императора – Петра Великого, того кто в кризисную эпоху на рубеже XVII-XVIII веков, грозившую новой смутой, расчленением страны и превращением ее в полуколонию, сумел укрепить центральную власть, предотвратить смуту, провести масштабную модернизацию всей страны и превратить ее в первостепенную мировую державу. Петр заложил основы русской школы и науки, тяжелой и легкой промышленности, армии и флота. Вместо череды внешних поражений вперемешку с внутренними бунтами, которыми ознаменовался XVII век, он открыл эпоху побед и имперской славы. Таким образом, он и совершил служение национального лидера России.

Мы сознаем, что деятельность Петра I может быть оценена как неоднозначная и противоречивая, что в ней имеется немало негативных сторон, связанных прежде всего с насилием и принуждением личности и церкви. Но все познается в сравнении. О выдающихся государственных деятелях даже античного времени, таких как Александр Македонский, Юлий Цезарь, Октавиан Август, в европейской науке до сих пор идут споры, притом что ничего нового из фактических данных не прибавилось. Для одних историков эти персонажи – великие тираны и злодеи, для других – основатели не только новых империй, но и цивилизаций. Хотя даже обывателю должно быть ясно, что тиранов и злодеев в истории были сотни, а Александр или Цезарь стоят всегда особняком. У разных историков одни и те

же факты входят в общую сумму итогового вывода с разным «весовым коэффициентом». Идеологическая установка и личная симпатия невольно идут впереди фактов и сортируют их по своему вкусу. Конечно, добросовестная история должна опираться на факты, а не на идеологические предпочтения, тем паче не на мифы. Но в том-то и проблема, что перечень фактов сам по себе еще мало что говорит. Всестороннее изучение предмета способно бывает изменить первоначальное мнение самого историка, если он добросовестный исследователь. Например, нам приходилось читать признание одного современного французского историка (Жан Поль Ру), что он, посвятив 30 (!) лет изучению эпохи Тамерлана, пришел к выводу, что этот человек прежде всего великий государственный деятель, а не просто восточный деспот. Такую же оценку многие историки склонны давать и Чингиз-хану, в то время как для массового сознания оба суть абсолютные злодеи, без всяких «но».

Сделаем из этого вывод, что абсолютной объективности в оценке исторических деятелей все равно не удастся достичь. Масштаб личности самих историков всегда меньше масштаба тех великих людей, которых они оценивают. Поэтому не будем притязать на вынесение еще одной, своей собственной оценки одного из самых выдающихся деятелей русской истории, а постараемся выделить из его наследия некоторые важные стороны и примеры, актуальные для нашего времени.

Про Петра 1 в России в последние годы вышло немало литературы. Прежде всего, отметим собрание указов и писем самого императора в 13 томах, где Петр говорит от первого лица. Кроме классических историков Костомарова, Соловьева, Ключевского, Валишевского, можно отметить и современных исследователей Н. Павленко и Анисимова. Отдельные стороны деятельности Петра освещены в работах академика Тарле «Флот во внешней политике Петра 1», А. Чернышева «Великие сражения русского парусного флота», В. Смирнова «Феофан Прокопович». Переизданы труды деятелей русского зарубежья, например, ген. Б. Шетфона по воинскому уставу Петра, и проф. Ильина. К этому можно добавить церковных историков проф. Е. Голубинского, А. Лебедева, А. Карташева, монархического идеолога Л. Тихомирова. Можно сказать, что собран и изучен весь доступный материал по петровской эпохе. И при этом спор о самом Петре не закончен.

Кем был царь Петр на самом деле? Историк Павленко остроумно отметил, исходя из того, что треть своего царствования Петр провел на верфях и заводах, треть - в походах и боях на суше и на море, и еще треть – в объездах своей страны от севера до юга, - что он был: 1)рабочим, 2) солдатом, 3)хозяином своей земли. Конечно, он был не простым рабочим, а организатором промышленности, не только солдатом, но первым полководцем и флотоводцем своей эпохи. Сначала осознаем эти факты, а потом уже решим, хорошо ли это или плохо для государства и народа.

…На троне вечный был работник

Треть своей жизни царь Петр провел в работах на различных верфях, заводах и в мастерских. То были полноценные рабочие дни, по 10-12 часов. Например, в Саардаме (Голландия), где ему стоит памятник, он проработал таким образом на верфи более года. На профессиональном уровне он владел более чем пятнадцатью различными рабочими специальностями: и литейщик, и кузнец, и слесарь, и токарь по металлу, по дереву и кости; далее: резчик, каменщик, штукатур, печник, плотник-строитель, плотник корабельный, столяр, механик-часовщик, печатник, изготовитель бумаги. Кроме того, он освоил ремесла зубного техника и фельдшера. В европейских странах он прежде всего закупал новые

инструменты и станки, которых осталось после него немало до сих пор в разных музеях. Осталось также несколько комплектов его рабочей одежды: стоптанных башмаков, штопаных чулок и рубах. Всем иностранцам бросались в глаза при встрече с ним его натруженные мозолистые руки.

Известно несколько выразительных эпизодов на этот счет. В Саксонии Петр пропустил бал у местного короля, задержавшись на осмотре ветряной лесопилки. В Париже опоздал на бал французского короля, поскольку присутствовал на первой операции по удалению катаракты. В Баварии, где немцы-штукатуры предложили ему показать свое умение в этом деле, он тут же снял камзол, работал целый день и оштукатурил фасад одного дома. Уже к концу жизни при посещении Олонецкого металлургического завода он работал целый день, изготовляя листовое железо – и заработал себе на новые башмаки. В музеях Петербурга остались его поделки, например, огромное паникадило, железную основу которого он ковал сам и сам же выточил из кости полторы сотни подсвечников.

Петр любил физический труд, занимался им целыми днями, имел интерес к рабочим профессиям, чувствовал удовлетворение от создания новых изделий. Труд был его живой потребностью, без которой он долго прожить не мог. Это видели настоящие мастера-ремесленники, принадлежавшие к разным национальностям и исповеданиям. В этой среде профессиональных рабочих и мастеров он был своим человеком и признанным авторитетом. Настоящие мастера своего дела, любящие сам труд, а не только деньги за работу, чувствовали, что русский царь любит их дело, ценит мастерство, сам много чего умеет, - и тянулись к нему, как к своему. Многих квалифицированных иностранцев и русских мастеров Петр привлек к делу первой индустриализации России именно личным примером и авторитетом рабочего человека. Даже из пленных шведов несколько тысяч человек, например, специалисты горно-рудного дела, остались работать в России по окончании войны и не вернулись домой.

Его искренняя тяга к труду, технические знания и навыки дополнялись простыми товарищескими отношениями к рабочим. Известно, что Петр был крестным восприемником около двух тысяч детей рабочих и был посаженным отцом на полутора тысячах рабочих свадеб. За тридцать пять лет его пребывания на множестве заводов, фабрик, верфей не было ни одной попытки покушения на него, несмотря на удобные возможности подстроить «несчастный случай» во всех таких местах. Рабочие не пытались покушаться на царя Петра, т.к. в отличие от представителей других сословий, не считали его тираном.

Без натяжки можно сказать, что Петр был самым «рабочим царем» не только за всю историю России, но и за всю мировую историю. Таких «рабочих монархов» ни одна страна мира не знала. В его лице труд получил свое оправдание и высокое достоинство, стал даже необходимым для воспитания правителя. До Петра править – значило отправлять пышные дворцовые церемонии, издавать указы и собирать налоги. В лице Петра правление значило побуждение подданных к труду и учебе – личным примером. Многие «ревнители благочестия», равнявшиеся на византийский образец, соблазнялись на Царя именно за то, что он, много занимаясь несвойственным царю «низким делом», ронял, по их мнению, престиж царской власти. Физический труд со времен Платона и Аристотеля считался у греков уделом низших сословий (или даже низших рас). Это не соответствовало, прежде всего, примеру Самого Христа и Его апостолов, каждый из которых был человеком простого физического труда. В петровские же времена именно личный пример первого лица в государстве был нужен для выведения страны из технологической отсталости, для привития людям уважения и навыка к квалифицированному физическому труду.

Множество указов, изданных Петром по благоустройству народного быта, написаны именно мастером-практиком, знающим тонкости дела. Например, указ, повелевающий класть печи, во-первых, на особом фундаменте, во-вторых, с выкладыванием теплового щитка для улучшения теплоотдачи (с тех пор получившего название «голландки»), в-третьих, с горизонтальным дымоходом на чердаке и широкой трубой, во избежание искр, попадающих порой на соломенную крышу и служащих причиной пожара. Перед нами серьезное наставление мастера-печника. До конца XVIII века и даже позднее во многих деревнях России топили по-черному отчасти потому, что экономных с тепловой точки зрения печей класть не умели, отчасти же потому, что на это дело не хватало обожженного кирпича для кладки печных труб. Нужен был такой царь, который одновременно был бы и печником и организатором кирпичного производства, чтобы появилась та печка, на которой любил бы полежать лодырь Емеля.

Создатель промышленности

Известно, что при Петре I было построено около сотни заводов тяжелой и около 360 фабрик легкой промышленности, считая и казенные, и частные предприятия. Вплоть до Петра основным предметом русского экспорта была пушнина, как и при первых русских князьях Рюриковичах. Но на одних соболиных и лисьих шкурах экономика страны вечно стоять не могла. К концу царствования Петра Россия вышла на первое место в мире по производству железа и удерживала лидерство до конца XVIII века. Теперь русский экспорт состоял в основном из железа, меди, льняных тканей, пеньковых канатов и пиломатериалов. Были построены десятки ткацких и швейных фабрик, для которых были построены станки и расширены посевы технических культур.

Отсталость допетровской России ощущалась на каждом шагу. Например, только по указу Петра в Москве были построены первая фабрика по производству швейных иголок и первая фабрика по производству пуговиц. А до этого все иголки и пуговицы ввозили из-за границы. Разведение тонкорунных овец-мериносов, из шерсти которых можно делать сукно, и основание первых суконных фабрик – тоже дело Петра.

До Петра вся писчая бумага, потребляемая в России, покупалась за границей. При нем же были построены первые бумажные фабрики, причем сам царь, обучившийся этому ремеслу в Голландии, показывал, как делаются бумажные листы. И к концу его царствования Россия полностью писала и печатала на своей бумаге. Число типографий к началу его царствования равнялось всего четырем, а концу царствования увеличилось до сорока четырех. При этом гражданский шрифт, упрощенный по сравнению со славянской вязью, был разработан под руководством самого царя. Этим шрифтом были напечатаны первые русские учебники и пособия по разным предметам. При издании некоторых из них, сам Петр трудился в качестве наборщика.

Серьезной проблемой допетровской Руси было отсутствие квалифицированных технических специалистов. Известно, что первые мастера итальянцы прибыли в Россию в конце XV века в свите Софии Палеолог, супруги великого князя Ивана III. Итальянцы строили Московский Кремль, Успенский и другие соборы, лили пушки, чеканили монету, устанавливали первые часы (которые без них встали). Но до самого конца XVII века вопрос о подготовке отечественных технических специалистов так и не был решен. Периодически лишь вызывали иностранцев для одноразовых поручений – и все. Местные мастера-самоучки были достаточно способными, но не имели инженерного образования и не умели производить

необходимых расчетов, а, как лесковский Левша, все прикидывали «на глазок». В результате первый Успенский собор, возводимый неким Мишкой, по прозвищу Собака, рухнул, - и пришлось звать итальянцев. В 1680-х годах рухнул также и купол Новоиерусалимского монастыря, возводимый такими же каменщиками, но не инженерами-строителями.

В то время как на Западе изготовляли разнообразные механизмы, часы, оптические приборы и т.д., у нас ничего подобного не производилось. Даже пилы для разделки древесины (вдоль ее волокон) у нас до Петра не изготовлялись, а доска получалась путем раскалывания бревна пополам и (при необходимости) отесыванием получившегося горбыля. Таким образом, из бревна получалось только две доски, что в сравнении с продольным распилом было крайне трудоемко и нерационально. Изготовление большой двуручной пилы требовало новой технологии, недоступной деревенской кузнице, - и потребовалась энергия и воля Петра, чтобы организовать массовое производство пил и других столярных и плотницких инструментов. Без всего этого нечего было и думать о создании деревянного парусного флота!

В отличие от предыдущих московских царей Петр не просто приглашал иностранных специалистов, но организовал подготовку русских кадров. И здесь сыграли роль не только его указы, но и личный пример, и твердая решимость довести дело до конца. Из опыта деиндустриализации и развала собственного производства в России в период либеральных реформ 1990-х годов ясным становится факт, что при отсутствии собственной промышленной базы страна неизбежно теряет свою независимость, становится полуколонией, а затем и просто колонией более развитых и хищных государств. Так утратили независимость в XIX веке обширные древние империи Востока: Китай, Индия, Иран, которые теперь, проведя свою индустриализацию и подготовив собственных специалистов, стали лидерами, как минимум, регионального масштаба, а то и вообще, мирового.

И для России к концу XVII века альтернатива стояла так: или индустриализация, или потеря независимости в ближайшие годы.

Особенно остро проблема технического отставания России стояла в области вооружений. В то время ручным огнестрельным оружием устаревшего образца – фитильными пищалями, была вооружена лишь треть московской пехоты, остальные – только пиками и бердышами. На вооружении немногочисленной артиллерии еще стояли пушки, отлитые за полтора столетия до этого Андреем Чоховым и другими литейщиками времен Ивана Грозного. Вся артиллерия была разнокалиберной; к каждой пушке полагались свои ядра, порох был низкого качества. Между тем, та же шведская армия еще со времен Густава Адольфа (1620-30-е гг) была вооружена мушкетами с кремневым замком одного калибра под стандартный патрон и артиллерией трех стандартных калибров. Все это повышало скорострельность и точность стрельбы. Техническое превосходство европейских противников гарантировало им победу над московитами даже при своих полководцах среднего уровня. Что и подтвердилось в начале Северной войны.

Мобилизационные мероприятия Петра привели к постройке ружейных, артиллерийских и пороховых заводов, позволили вооружить русскую армию в достаточном количестве качественным отечественным оружием. Уже в Полтавской баталии русская армия втрое превосходила шведскую в артиллерии. Именно огневое превосходство русских позволило одержать здесь убедительную победу с малыми потерями. Многочисленные шведские крепости в Прибалтике и Финляндии были взяты армией Петра, прежде всего, благодаря мощной артподготовке. Победа в Северной войне стала в точном смысле слова победой

русского оружия, победой отечественной оборонной промышленности, созданной под руководством и трудами самого императора.

Отец Русского флота

Любимым детищем императора Петра был флот, над созданием которого он трудился от юности и до смерти. Русский флот при Петре начинался буквально с нуля и достиг к концу его жизни второго по размеру среди европейских флотов, уступая только Британскому. Создание Петром русского флота – огромная и отдельная тема, которой посвящено много исследований. Академик Е. Тарле, в частности, подчеркивал, что флот при Петре стал необходимым атрибутом великой державы, мощным средством для решения важнейших внешнеполитических задач России. В его создании личность петра имеет центральное значение. Он и строитель кораблей, и организатор, и первый русский моряк, и первый победоносный флотоводец, - подлинный отец русского флота.

Главное возражение противников Петра, начиная с его современников и доныне, сводится к тому, что якобы флот России, как евразийской сухопутной державе, не нужен, это разорительная затея «атлантистов». Прошедшие после Петра три столетия убедительно показали, что для державы, имеющей выходы к морям, флот не роскошь, а необходимость для защиты национального суверенитета от посягательств этих самых «атлантистов». Упадок державы в целом и упадок ее флота в частности происходили всегда одновременно. Возрождение державы и ее флота также шли всегда рука об руку. Современные региональные лидеры Азии: Индия, Иран и даже Вьетнам, не говоря уже о Китае, все ныне имеют сильные флоты и продолжают наращивать их мощь.

Необходимость создания собственного флота сознавалась лучшими государственными мужами России еще до Петра, в царствование его отца Алексея Михайловича. Был построен первый современный по тем временам корабль «Орел» для Каспия. Но московская волокита похоронила это начинание, как и проекты многих других необходимых реформ. Необходимо было «ручное управление» в этом вопросе со стороны первого лица в государстве и более того, его личный пример. Это и было сделано со стороны Петра. Про его работу корабельным плотником уже сказано. В Англии он получил диплом корабельного инженера-строителя и позднее лично спроектировал несколько линейных кораблей. Как профессионал он всегда лично осматривал и испытывал новопостроенные суда, принимая годные в состав флота и отправляя на доработку бракованные. Проявлял творческий подход, не копируя слепо европейские образцы, а изобретая нечто новое. Например, для действия в узких финских шхерах им было изобретено небольшое маневренное парусно-гребное судно – скампвея, составившее основу русского гребного Балтийского флота. На этих судах держалось снабжение русских войск в Финляндии, на них же была достигнута победа в морской битве при Гангуте (1714 г).

Личным примером царь Петр научил новых русских моряков не бояться морской стихии. Многократно подвергал он свою жизнь опасности во время плаваний и на Белом, и на Балтийском, и на Каспийском морях во время сильных штормов или плавания во льдах, как например, при осаде Выборга в марте 1710 г. Петр лично проходил опасные пороги на реке Свири и на Мсте в районе Боровичей, по которым проходила единственная в его времена транспортная артерия, соединявшая всю Россию с ее новой северной столицей. Он же, кстати, организовал сложнейшую систему плотин на притоках Мсты, позволявшую в известные сезоны делать эти пороги проходимыми для грузовых речных судов, и эта

система прослужила стране аж до 1930-х годов. Так что эта инспекция стратегически важного речного пути вовсе не являлась для Государя тем праздным экстремальным сплавом, которым на этих порогах занимаются современные туристы.
Из прежде совершенно сухопутных русских людей, никогда не видавших моря, за два десятилетия им были воспитаны тысячи матросов и сотни морских офицеров, способных сражаться с потомственными моряками-шведами и побеждать их. Из непосредственных учеников Петра вышли и десятки офицеров – исследователей Крайнего Севера, Дальнего Востока и Каспия, продолжавших задуманные императором экспедиции и после его кончины (например, Северная экспедиция 1730-х годов). Основанная Петром русская морская школа воспитала в XVIII веке множество выдающихся флотоводцев, таких как Спиридов, Клокачев, Ушаков, Синявин и др, которые все считали себя его последователями. Достаточно вспомнить речь митр. Платона по поводу Чесменской победы 1770 г: «Восстани, великий Петр, и виждь…» или поздравление Суворова Ушакову по поводу взятия крепости Корфу (1799 г): «Великий Петр наш жив…»
Император стал первым русским флотоводцем, умело руководя на морях созданным им флотом, одержав первые победы, от сравнительно небольших (в устье Невы в мае 1703 г) и до знаменитых при Гангуте (1714) и Гренгаме (1720). При этом он сам проходил флотскую службу, постепенно повышаясь в чинах, и вице-адмиралом стал только в самом конце Северной войны (1720), прослужив флотским офицером более двадцати лет и обуздывая в подчиненных карьеризм личным своим примером.
Сознавая важность внутренних водных коммуникаций, Петр не только организовал создание Вышневолоцкой водной системы на Мсте, о которой уже упоминалось, но и усовершенствовал Волго-Балтийский и Беломорско-Балтийский пути. Кроме того, он начинал строительство и Волго-Донского канала, который удалось построить лишь в 1940-х годах. Необходимость этих водных путей внутри страны несколько ослабела с изобретением железнодорожного транспорта, тем не менее, она ощущается и в наши дни, когда, например, военные корабли, построенные на верфях Петербурга, переводятся на Каспийское или Черное море.

Создатель Русской армии

История регулярной Российской армии тоже начинается именно с Петра. В допетровской Руси регулярная армия отсутствовала. Существовало дворянское ополчение из помещиков и их вооруженных холопов, призываемых на время походов. Было городское ополчение из стрельцов, годных для полицейской и караульной службы и малопригодных для полевых сражений. И те, и другие по своему уровню подготовки и психологии были скорее вооруженными ополченцами, чем профессиональными воинами. Занимаясь большей частью своим хозяйством, они не имели должной подготовки, и, главное, должной мотивации к военной службе. А именно внутренняя мотивация и отличает преимущественно профессионального солдата от гражданского человека.
В Московском государстве военная и гражданская служба не были четко разделены. Широкое распространение в XVII веке приобрела поговорка: «Государю служить, а саблю из ножен не вынимать». Наглядный пример приводит С. Соловьев в своей «Истории». Во время осады Риги московскими войсками сотня дворян из личной охраны царя, не потеряв ни одного убитого или раненного, обратилась в бегство у него на глазах (!) от эскадрона шведских драгун. Сам царь Алексей Михайлович только заботливо спросил беглецов, никто

ли из них не пострадал. Эпизод, абсолютно невозможный для последующей императорской армии, тем более, для лейб-гвардии, для которых честь полка и личная честь офицера никогда не допустили бы такого постыдного поведения на глазах Государя, что и было доказано в десятках сражений. Примеры военных неудач Москвы в войнах с Польшей и Швецией в 1657-61 гг, в Чигиринских походах 1677-79 гг, Крымских походах 1687-88 гг против турок и татар показывали, что старое ополчение не годится.

Петр I, прежде всего, воспитал русского офицера и солдата. «Звание солдата есть почетное и общее от первого генерала до последнего солдата», - писал он в своем Уставе воинском. Званием русского солдата, как почетным, гордились впоследствии и Суворов, и Кутузов, и все выдающиеся русские полководцы. Офицерство стало в основном уделом людей, которые выбирали военную, а не гражданскую службу, чувствовали к ней призвание и интерес. Историк А.Керсновский выделял три главных качества военного человека: дисциплина, призвание и прямодушие. Отсутствие первых двух качеств приводило к отсутствию и самого офицерства в Московской Руси. Новое военное сословие могло появиться только при воспитании этой триады качеств.

Рекрутские наборы легли тяжелым бременем на плечи русского народа; потери армии в войнах были велики. Но для крепостного крестьянина поступление на военную службу было не только получением свободы для себя и своих детей от крепостной зависимости, но и «социальным лифтом» вверх. Обычная практика XVIII века предусматривала для солдата после 10-12 лет безупречной службы, даже без боевых отличий (а тем более, с ними) унтер-офицерский чин, а еще через 10 лет – и офицерский, а с ним и личное дворянство. К концу XVIII века более трех четвертей российского дворянства было беспоместным, т.е. происходило из офицеров, выслужившихся из солдат. Этот новый служилый слой надолго стал опорой государства.

Еще римская история показала, что армия, построенная на единообразной системе организации и обучении частей, единой тактике и железной дисциплине, всегда сильнее армии, не имеющей этих качеств. Римская армия, даже при средних боевых качествах офицеров и солдат, всегда была сильнее варварских скопищ, более многочисленных, храбрых и неукротимых. Система, хорошо отлаженная, всегда побеждала личную доблесть, плохо организованную; легион всегда сильнее толпы. Воля, сложенная из тысяч согласных воль, всегда сильнее хаоса воль несогласных.

В Европе в XVII веке завершился переход от наемных отрядов к национальным армиям, формируемым путем рекрутских наборов. Национальные армии Испании, Нидерландов и особенно Швеции демонстрировали высокие боевые качества. При формировании русской армии Петр изучил европейский опыт. В частности при написании «Устава воинского» им было изучено около десятка разных европейских уставов, более всего почерпнуто из шведского устава Густава-Адольфа. При этом европейский опыт Петр старался приспособить к русским условиям. Мотивация воина: за веру, царя и отечество, - появляется в его уставе. Роль защиты веры велика; рядом с нею появляется понятие Отечества, слабо выраженное в Московской Руси. Именно Петр ввел штатное армейское и флотское духовенство во всех полках и на кораблях, с полковыми походными церквами и регулярным богослужением, чего прежде не было.

При формировании русской армии пришлось обратиться к иностранным специалистам. Подчинение русских солдат иностранцам и иноверцам проходило болезненно, многие иностранцы оказались неквалифицированными или недобросовестными людьми, что порождало конфликты и неприязнь к самому царю. Тем не менее, без иностранных

носителей специальных знаний и навыков было тогда не обойтись. Кроме того, две большие проблемы русского характера: недисциплинированность и нежелание учиться – могли быть преодолены только с помощью внешней силы. Кстати, и самих германских варваров, чуждых порядка, законности и образования, долгие века жестоко учили сначала римская империя, а затем – римская церковь, пока не превратили их в дисциплинированных до педантичности и ученых немцев Нового времени.

На привлечение иностранцев на службу Петр смотрел как на временную меру, старался обучать свои кадры и заменять ими немцев. К концу его правления доля иностранцев среди старшего командного состава (от командира полка и выше) сократилась до 50%, а немного позже – и до 40%. Главный итог состоял в том, что уже к середине XVIII века русский офицерский корпус сплотился в единое целое, с едиными понятиями о долге перед монархом и родиной, об офицерской чести, о чести своего полка, несмотря на национальные различия. Эти понятия воспитывались с юности в Сухопутном Шляхетском и Морском кадетских корпусах, в учебных пособиях, в процессе дальнейшей службы в полку. В основе своей эти понятия жертвенного служения, воинского долга и чести были заложены наставлениями и примером самого первого русского императора.

На театрах боевых действий, начиная с первого Азовского похода (1695 г) до конца Северной войны (1721 г) и Каспийского похода (1723 г) Петр провел более четверти века, половину своей жизни, разделяя с войсками все труды и опасности. Начинал службу рядовым бомбардиром и постепенно продвигался в чинах. В совершенстве овладел специальностями артиллериста и военного инженера, что позволяло ему быстро и профессионально оценивать позиции, укрепления и возможности применения артиллерии. Лично участвовал более чем в шестидесяти боях и сражениях, неоднократно рискуя жизнью. Достаточно вспомнить хотя бы три шведских пули под Полтавой, попавшие ему в седло, в шляпу и в нательный крест-мощевик. И в этом отношении он тоже остался примером для последующих поколений офицеров и солдат.

Как и флот, армия была для Петра средством обеспечения независимости государства. Пренебрежение к своей армии всегда ведет государство к гибели, не желая кормить армию свою, народ вынужден бывает кормить чужую. Это общеизвестно. В «Духовном регламенте» Петр справедливо указывал на отрицательный пример Византии, где постоянно пренебрегали армией, компенсируя ее отсутствие коварной дипломатией и подкупом противников, и в результате, наконец, потеряли и империю, и столицу. При этом царь трезво оценивал экономические возможности своей страны по содержанию армии. По окончании Северной войны он сократил сухопутные силы до 150 тысяч человек. Главное внимание он всегда уделял качеству армии, ее вооружению, боевой подготовке и организации.

Великий русский полководец

Академик Е. Тарле указывал, что многие русские историки, оценивая Петра I как крупного реформатора и государственного деятеля, недооценивали его, как полководца. Точнее, это относилось к гражданским историкам. Военные историки из Академии Генштаба, например, генералы Сухотин, Драгомиров, Алексеев и др., с кафедры истории русского военного искусства, наследие Петра изучали и пропагандировали. Но в массовом сознании его значение, как полководца, не отложилось. Между тем, Петр - один из лучших европейских военачальников своей эпохи, богатой на таланты в этой области, и первый из полководцев России XVIII века.

XVII век в Европе был особо богат на выдающихся военачальников. Во Франции – Конде, Вобан, Тюрен, в Швеции – Густав Адольф, в Нидерландах – Мориц Оранский, в Австрии – Монтекукули, в Польше – Ян Собесский, в Англии – Кромвель. В современной Петру европейской войне за Испанское наследство (1700-1714 г) блистали талантами австрией Евгений Савойский, англичанин Джон Мальборо, француз Талар и другие. Сильным противником был и шведский король Карл XII. Многие из этих воителей, будучи мастерами стратегии и тактики, были новаторами в разных областях военного дела, в организации и обучении войск, в фортификации и артиллерии. Будучи военными мыслителями, обобщавшими опыт прошлых и современных им войн, они были и писателями, оставившими богатое письменное наследие. Быть учеником у таких полководцев было почетно. Наоборот, незнание этого наследия, отставание в области военной мысли гарантировало русским при столкновении с европейскими армиями поражение. Петр и начал с тщательного изучения европейской военной мысли.

Посредственность, только слепо копирующая преподанные образцы, остается в учениках до старости. Петр недаром писал в своем воинском Уставе: «не держись устава, яко слепой – стены». Он смог переработать достижения европейского опыта и творчески применить его на практике. Петр внес много нового в военное дело, что и принесло ему успех: например, формирование передового «летучего корпуса», введение полковой артиллерии при пехотных полках, конной артиллерии – при кавалерийских и др. Военный талант – такой же дар свыше, как и другие таланты. Если он есть, его можно раскрыть посредством учебы и упражнения, но его невозможно скопировать. Кому он дан, у того он есть, кому не дан, у того нет.

Позднее Наполеон главные качества полководца уподоблял равнобедренному треугольнику. В основании лежит воля, решимость, энергия, подчиняющая решению полководца свои войска и умеющая навязать свою волю противнику. Другими двумя равно-важными сторонами являются: 1) профессиональная грамотность, знание тонкостей военного дела и 2) интуиция, прозорливость, способность предугадывать действия противника, предвидеть ситуацию на шаг-два вперед. Компетентность приобретается обучением и опытом самого человека, интуиция дается свыше, как и талантливым ученым и писателям. Наполеон подчеркивал решающее значение воли, без которой нет полководца, даже при обильных знаниях. Даже ошибочное решение, проводимое твердо, менее вредно, чем безвольность, пассивность, нерешительность. «Бедные академики», как их называл Суворов, т.е. люди, набитые знаниями, но лишенные воли, будучи поставлены во главе армий, часто приводили эти армии к катастрофам и никогда не одерживали побед. Добавим, что и для главы государства державная воля, умение повелевать, добиваться подчинения и выполнения своих приказов, является решающей. Наибольшие исторические катастрофы великие государства и Россия в частности потерпели тогда, когда у носителей верховной власти эта волы отсутствовала

Петр I обладал всеми тремя важнейшими качествами полководца (по Наполеону): и волей, и знанием дела, и интуицией. Лучшей в Европе шведской армии, предпочитавшей стратегию сокрушения противника в генеральном сражении, он противопоставил стратегию истощения. Уже при формировании армии он обратил особое внимание на ее снабжение, от которого решающим образом зависит ее боеспособность, сформировав отдельную интендантскую службу. В своем воинском уставе Петр писал, что Юлий Цезарь никогда не имел под своим началом более 50 тысяч войск, ибо большее количество войск трудно снабжать и с ним трудно быстро передвигаться. Поэтому в кампаниях против шведов 1705-1708 г Петр уклонялся от больших сражений, изматывал врага в мелких боях, а главное – перехватывал

его коммуникации, нарушал его снабжение. Этим он добился полного истощения шведской армии и уже тогда добил ее в сражении под Полтавой, причем с небольшими собственными потерями. Важную роль в достижении победы сыграл огонь русских ружей и пушек, на который шведы не могли полноценно отвечать из-за недостатка боеприпасов. Нововведением Петра в полевую фортификацию были и отрытые накануне сражения небольшие редуты, огонь с которых нанес шведам большие потери и расстроил их боевой порядок. Неотступное преследование шведов русской конницей привело к пленению у Днепра остатков их войска (около 16 тысяч). В этой кампании Петр, как полководец показал и стратегическое и тактическое превосходство над противником. Вольтер впоследствии остроумно заметил, что по сравнению с Петром Карл XII показал себя не более чем капралом.

Показателем волевых качеств полководца является его поведение при неудачах и поражениях. Война полна случайностей и не может быть полностью спланирована. Большие или меньшие неудачи неизбежны даже у великих полководцев. Но великие тем и были велики, что сохраняли самообладание, не впадали в малодушие, не допускали паники среди подчиненных, умели не позволить частной неудаче превратиться в общее поражение, а затем умели взять реванш. Петр показал эти качества в полной мере после неудач первого Азовского похода и после первого сражения при Нарве.

Фельдмаршал Гинденбург важным качеством полководца считал умение видеть ключевой пункт (шверпункт) на театре военных действий, овладение которым решало исход кампании в свою пользу. План без шверпункта, - говорил он, - есть тело без души. Петр I как полководец как раз умел видеть такие пункты и напрягал все силы, чтобы их занять и удержать. Главным таким пунктом для России на Балтике стал, прежде всего, сам Петербург. Только по недомыслию и предубеждению можно упрекать Петра за то, что он по своему произволу построил этот город «на болоте и людских костях». (Этот вопрос не следует путать с переносом туда столицы). Последующие три столетия показали, что Петербург – главный балтийский порт России, ее важнейший экономический и политический центр, захватить который стремились все враги России, а удержать – все государственно мыслящие люди. Проверка тремя веками показывает, что взгляд основателя города на его значение был правильным.

Как государственный деятель и стратег, Петр видел три главные исторические задачи России в Европе, не решенные за прошедшие века Московским царством, но жизненно необходимые для страны: балтийскую, черноморскую и западно-русскую. Он решил первую задачу, очистив от шведского владычества все южное побережье Балтики, «ногою твердой став при море» от Выборга до Риги, а Курляндское герцогство сделав себе вассальным. Он же начал решать, но не успел, задачу по выходу к Черному морю. Ее, как и западно-русскую проблему решила его достойная преемница Екатерина II, присоединившая к Российской империи Причерноморье и исторические земли Киевской Руси. Даже известный своей русофобией Карл Маркс в заметках по истории (для самого себя) отмечал, что «никакое государство не могло находиться в том положении, в каком оказалось Московское царство до Петра, когда устья его рек и берега окружающих морей находились в руках его враждебных соседей… Петр завладел только тем, что было абсолютно необходимо для нормального развития его державы». (Здесь следует еще раз напомнить для ясности, что до изобретения и повсеместного внедрения железнодорожного транспорта главными транспортными артериями любой страны, особенно такой широкой и лесистой, как Россия, были ее водные пути, заменить которые никакими сухопутными дорогами было невозможно).

Таким образом, даже по признанию совсем не расположенных к России стратегов, политиков, экономистов, борьба России за выход к морям не была прихотью царя Петра или следствием его «слепой любви» к Европе, как казалось некоторым, но была совершенно необходимым делом для развития и безопасности его страны, для долгосрочных стратегических интересов России.

Но первый русский император прорубал окно не только в Европу. Сознавая свою державу евразийской, он продвигал ее рубежи и в других направлениях. Он укрепил устье Северной Двины, в один год с Петербургом заложил Петрозаводск, основал в Архангельске крупную судоверфь, направил экспедиции для описания побережья Ледовитого океана. Посланные им экспедиции Беринга и Чирикова описали Чукотку и Аляску, экспедиция Крашенникова – Камчатку, Лужина и Евреинова – Северные Курилы. Для регулярного сообщения с Дальним Востоком Петр собирался приобрести перевалочную базу аж на Мадагаскаре. Еще ранее Ломоносова он понял, что могущество России будет прирастать Севером и Сибирью.

В Южной Сибири им были продвинуты рубежи по Иртышу, основаны города Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, на Южном Урале – Оренбург и Орск. На Каспии экспедиция Соймонова описала залив Кара-Богаз и «трухменские» берега. Экспедиция Бековича-Черкасского (1717), окончившаяся, правда, неудачно, пыталась пробиться в Хиву, за Аральское море. В конце своей жизни (в 1722-1723 г) Петр предпринял Каспийскую экспедицию, основал город Петровск (ныне Махачкала), присоединил Дербент и Баку. Последующие столетия вплоть до нашего времени подтвердили для России важность этих направлений и Севера и Каспия, и Туркестана, а основанные Петром города до сих пор сохраняют значение российских «шверпунктов».

Основатель русской школы

Как указывал историк А. Карташев, одной из главных проблем Московской Руси была «бесшкольность», отсутствие минимального систематического образования. Другой историк, Е. Голубинский указывал, что в допетровской Руси существовала только элементарная грамота. Несмотря на резкость этих оценок, они подтверждаются особенностями русского исторического развития. Византия, несмотря на формальную передачу русским христианства, не была заинтересована в развитии образования среди любых «варваров», не спешила передавать им результаты греческой образованности. За четыре с половиной века господства греков над Русской Церковью ими не было устроено ни одной школы на Руси. Татарское нашествие и затем ордынское иго срезало тонкий слой русских книжных людей, уничтожило в огромной части письменное наследие XI-XII века. Последующая политика московского изоляционизма не способствовала изучению чужих умственных достижений и работе своей мысли. Московские люди в значительной доле своей пребывали, в противоположность евангельской заповеди, «младенцами умом», а «на злое – совершеннолетними».

Бесшкольность приводила к тому, что мало-мальски грамотных специалистов не хватало буквально во всех областях государственного управления и хозяйства. Начиная с конца XV в стали привлекать ученых иностранцев, с XVII в к ним добавились малороссийские книжники – выпускники Киевской академии и иезуитских коллегий. К началу правления Петра в Москве была уже целая Немецкая слобода, заселенная служилыми и учеными иностранцами. (Не Петр ее насадил – напомним это, вопреки распространенному обывательскому мнению). Тем

не менее за двести лет проблема создания своей школы, подготовки своих специалистов, так и не была решена.
Бесшкольность отразилась и на психологическом типе народной массы. Классическая школа, основанная в древней Греции и дожившая до Нового времени, не только давала минимум знаний, но и развивала душевные способности, приучала логически мыслить, правильно говорить и писать, отличать красивое от безобразного. Отсутствие школы не могло быть восполнено в полной мере ни народной смекалкой, ни мужицкой хитростью. Оно заполнялось совсем другим: нездоровым мистицизмом, суеверием, магизмом, - питательной средой для всякого сектантства. Старообрядческий раскол получил широкое распространение во многом благодаря бесшкольности, подмененной случайным и беспорядочным начетничеством. Невежество в сочетании с темной мистикой породило чрезвычайно вредное и живучее явление хлыстовства, которое возникло также к началу царствования Петра.
Школа, заимствованная с Запада, несла, конечно, свои опасности: католическую и протестантскую схоластику, рационализм, сменившийся впоследствии вольнодумством эпохи «просвещения». Русской юной мысли предстояло переболеть этими умственными «корью, ветрянкой и коклюшем», чтобы, поправившись к середине XIX века, перейти в зрелый возраст. Но совсем оставаться без школы тоже было нельзя.
Петр начал с учреждения военных и технических школ: Навигацкая школа (морская), Инженерная школа, Сухопутный шляхетский корпус. При гвардейских полках были созданы общеобразовательные полковые школы. Скоро к ним прибавилась Славяно-греко-латинская академия. В 1720-м году была учреждена в Петербурге Академия наук с гимназией при ней. Наиболее массовыми при Петре стали духовные семинарии, числом около полусотни, с общеобразовательной программой. Их лучшие выпускники в течение всего XVIII века пополняли ряды чиновников разных коллегий, остальные шли в духовенство. Все способные могли продолжить свою учебу за границей. Была создана в первом приближении и система народного образования, которая потом развивалась и укреплялась. При жизни Петра эта система дала несколько тысяч «образованцев» для нужд государства, хотя интеллигенцией их назвать было бы преждевременно.
Петра зачастую упрекают в том, что воспитанные им образованцы не были патриотами, преклонялись перед Западом. Но стоит вспомнить один факт. При Борисе Годунове в 1599 г для обучения за рубеж было послано 60 дворян, из которых назад не вернулся ни один(!), все стали «невозвращенцами». При Петре I абсолютное большинство возвращалось домой, и не только потому, что имели основательную надежду на карьерный рост, но и потому, что имели здоровую патриотическую мотивацию, заложенную царем прежде отъезда. Образ родины стал привлекательным, принести ей пользу своими знаниями стало достойно и правильно. Антипатриотическое западничество, как течение возникло позже, ко второй половине XVIII века среди праздной, не служащей аристократии. А при Петре с его идеалом абсолютного служения государству всех и «образованцы» становились патриотами России.
Под надзором Петра были составлены первые русские учебники по математике, географии, астрономии, словесности, юриспруденции. Эти учебники были напечатаны в новых типографиях, новым гражданским шрифтом, на новой бумаге отечественного производства. Типографии были основаны по царскому указу, как и бумажные фабрики, а над разработкой нового облегченного шрифта трудился сам царь – так же как и рабочим на бумажной фабрике.
Появились и первые библиотеки, среди которых выделялась Санкт-Петербургская публичная. По количеству книг и рукописей она уже к концу жизни Петра входила в число

крупнейших библиотек Европы. Свои личные собрания книг Петербургскому книгохранилищу завещали Лейбниц, Эйлер и некоторые другие крупные ученые Европы, оценившие искреннее стремление русского Царя к науке. Первым президентом Петербургской академии наук стал известный немецкий математик Леонард Эйлер, в ней же работали физик Бернулли, архитектор Расстрелли и другие ученые. Все они, как и Лейбниц, и Ньютон, с которыми Петр встречался во время поездки в Европу, ценили Императора за его уважение к точным наукам, отличая его от тех европейских монархов, которые занимались только меценатством в целях популизма.

Петром же была учреждена Кунсткамера – первый русский музей, для которого по царскому указу начался сбор разных экспонатов по всей стране. Тем самым в России было положено начало музейному делу, сохранению и изучению археологических памятников и животного мира.

В свое время Юлий Цезарь придумал такую вещь, как газету, чтобы его граждане не питались слухами, а читали новости из официального источника. Рукописные экземпляры этой «стенгазеты» расклеивали по Риму. Петр, вняв этому разумному примеру, учредил газету «Петербургские ведомости», которую печатали в типографии и рассылали по городам. Говоря современным языком, он положил начало государственным СМИ, взял информационную политику в свои руки, не отдавая ее в руки частные, зачастую некомпетентные, а то и прямо враждебные. Жизнь показала в дальнейшем, что без сильных и умных государственных СМИ этому государству приходится плохо.

Интересен указ Петра для привлечения своих подданных в библиотеки В Европе все библиотеки изначально были платными, как и в античном мире. Петр не только сделал Петербургскую библиотеку бесплатной, но и постановил для привлечения читателей всякого, кто просидел в библиотеке за книгой хотя бы час угощать за царский счет чашкой кофе или стопкой водки.

И надо сказать, что, несмотря на первоначальное сопротивление значительной части русского общества, Петру удалось не только принудить к учебе, но и убедить в ее необходимости весьма многих. Русские люди почувствовали вкус к науке, когда увидели первые результаты своих трудов. Например, Василий Суворов – адъютант императора и отец знаменитого полководца, перевел с французского Тита Ливия («Война с Ганнибалом»), фортификацию Вобана и другие труды по военному делу. Экономист Посошков составил первые труды по народному хозяйству, Василий Татищев начал первый курс русской истории. При покровительстве Императора трудились и первые русские духовные писатели – святители Дмитрий Ростовский и Иоанн Тобольский. Этих людей и можно считать первыми представителями нарождающейся русской интеллигенции. Процесс становления русской школы и русской мысли впоследствии был долгим и болезненным, но этот процесс наконец начался – и начался при Петре.

Хозяин земли Русской

Треть своей жизни Петр I провел в дороге, объезжая свою страну по суху и по воде. В среднем в течение каждого года он проезжал полторы или две тысячи верст. Верхом и в возке, в любую погоду, под снегом, дождем, бураном и морозом он мчался туда, где считал свое присутствие необходимым. Сохранился сундучок с его дорожным набором (посуда, смена белья, камзол), который он постоянно возил с собой. Он был первым русским царем,

который осмотрел всю Россию от Выборга, Петрозаводска и Архангельска до Астрахани, Азова и Таганрога, причем многократно.
Царский глаз был необходим для личного контроля за стройками важнейших объектов, для присмотра за местной администрацией, часто вороватой и ленивой, для «обратной связи» со всеми подданными, знания об их нуждах. Петр чаще ездил без личной охраны или с самой минимальной. То, что за тридцать лет не было ни одной попытки покушения на него, лишний раз доказывает, что никакой народной ненависти к царю тогда не было, а если и придумывалась эта ненависть, то только задним числом.
В этих поездках царь активно общался со множеством самого разного народа: с поморами-рыбаками, с донскими казаками, с тульскими оружейниками, с воронежскими плотниками, с волжскими бурлаками, с выговскими старообрядцами, с крестьянами разных областей России. В отличие от многих позднейших обитателей петербургских дворцов и салонов, то идеализирующих, то демонизирующих простонародье, царь Петр знал свой народ, как никто другой, со всеми его достоинствами, недостатками и проблемами. Народные недостатки, прежде всего, лень и разболтанность, невежество и суеверие, он хотел искоренить, а достоинства – укрепить. Во время Каспийской экспедиции 1722 г местные бурлаки показали ему места, связанные со Стенькой Разиным («есть на Волге утес») и с почтением говорили об этом разбойнике. Царь спокойно и точно возразил им: «упустили мужика, отдали бы его в учение воинское – стал бы он хорошим солдатом». Царь и стремился из разбойников: Чуркиных, Болотниковых, Разиных воспитать солдат и мастеров. Он понимал, что сделать это может разумная и твердая царская воля, а отнюдь не популизм, не потакание страстям мужика. Народу он наглядно показал перспективу социального роста – при добросовестном служении государству, и кнут – при сопротивлении и саботаже. Стоит здесь уточнить и слова Пушкина, относительно многих указов Петра, «писанных кнутом». Кнут кнуту рознь: есть кнут палача, предназначенный для истязания людей, а есть кнут ямщика для подстёгивания коней. Петров кнут был в большей степени кнутом ямщика, управлявшего «птицей-тройкой», всей Россией, - нежели кнутом палача; Петр более погонял отставшую страну, нежели истязал ее людей (чем в оличие от Петра занимался Иван Грозный). Попутно отметим, что Петр особым указом запретил народу при встрече царя становиться на колени, уничтожив старый византийский и ордынский не христианский обычай. Запечатлел же Император свою жизнь подвигом по спасению утопающих, бросившись в ледяную воду, отчего простудился и вскоре скончался.
Знал Петр и представителей местной власти, ее злоупотребления, хищения и произвол, и, сколько мог, боролся против всего этого. Царскую дубинку на своей спине испытали многие тогдашние казнокрады, не исключая и самых приближенных. К концу своего царствования Петр, видя, что бесчестие и конфискация имущества виновных не помогают, ввел уже и смертную казнь за коррупцию в особо крупных размерах. При этом полностью обновить бюрократический аппарат он не мог; он был все-таки реформатор, а не революционер, который уничтожает неугодных целыми классами. Он наказывал и снимал нечестных, продвигал по службе добросовестных, - но при этом имел против себя многовековую традицию коррупции и хищений, освященную примером Византии и закрепленную Ордой, и людей, воспитанных в этой самой традиции. Он пытался внушить служилым людям идеалы служения отечеству, личной чести и благородства и показывал в этом пример. Большего сделать он и не мог. И если мы знаем про коррупцию при Петре, то именно благодаря многим громким раскрытым делам, свидетельствующим о борьбе с этой коррупцией. При предыдущих Романовых этим почти не занимались, и о коррупции свидетельствовали уже

народные бунты, вспыхивающие временами в разных местах из-за безобразий местной власти, так что царствование «тишайшего» Алексея Михайловича запомнилось современникам, как «бунташное» время. Так кто же из двух царей был более заботливым хозяином своей земли?

Петр много сделал для подъема экономики России, переведя ее из патриархального натурального хозяйства в товарное производство, способное конкурировать с западными производителями. Он заставил русских купцов объединяться в «кумпанства» - торгово-промышленные кампании, получавшие поддержку государства и вывозившие свои товары за границу на российских кораблях. Тот же К. Маркс отмечал, что при Петре оборот российского капитала увеличился почти на порядок. Соответственно, на порядок увеличился и государственный бюджет, позволяя выдерживать тяготы войны. При этом Петр заботился об увеличении «реального сектора» российской экономики, открытии фабрик и мастерских на местных ресурсах. В наших Новгородских краях со времен Петра берет свое начало Угловский известковый завод с целой сетью прилежащих известковых карьеров и штолен, а также Боровический кирпичный завод, преобразованный впоследствии в целый комбинат по производству огнеупорного кирпича – основы всех металлургических печей до сего дня. Резко увеличились при Петре посевы конопли и льна, снабжавшие канатные и льняные мануфактуры. Канаты и льняные ткани (в частности, парусина) – стратегические товары того времени надолго стали одним из главных продуктов русского экспорта.

Петру принадлежит инициатива разведения в России картофеля и подсолнечника. Надо ли доказывать, что картошка впоследствии спасала всю страну от голод? По петровскому указу стали разводить тонкорунных овец-мериносов, из длинной тонкой шерсти которых стали вырабатывать сукно новые русские суконные мануфактуры. До этого из овечьей грубой шерсти только валяли войлоки и делали шубы.

Много сделал Петр и для благоустройства городского хозяйства. Начинал он с планирования и основания новых городов, прежде всего, Петербурга. Старая Москва росла хаотически, имела узкие и кривые улицы, часто страдала от пожаров. Заранее спланированный город с административными зданиями, культурными центрами, промышленными и жилыми районами был удобен для управления и надзора, для службы и работы. Именно по указам Петра в городах появились мостовые, фонари для освещения, запрещено было выбрасывать мусор и помои на улицу. Петр учредил во всех городах регулярную пожарную службу со специальной командой, несшей круглосуточное дежурство, со специальным, хотя и простым еще снаряжением. Сам он многократно выезжал на пожары и лично участвовал в их тушении. Во всем этом чувствовался почерк хозяина земли Русской, заботившегося о всех сторонах народного быта. Эта забота часто проявлялась в грубых формах и вызывала сопротивление. За грубость и жесткость Петра осуждают до сих пор. Но если по существу вопросов он был прав, то можно понять, что постоянное сопротивление даже в очевидных вещах, даже в мелочах, его раздражало и возмущало, - отсюда и грубые формы навязывания своей заботы стране.

Первые медицинские учреждения, «гошпитали» и аптеки, тоже появились при Петре. Московская Русь не знала иных медиков, кроме знахарей, часто бывших по совместительству колдунами. Традиционная медицина времен Петра, конечно, была далека от удовлетворительной и не была всенародной. Но все-таки какие-то больницы и лекаря появились, прежде всего, для обслуживания военных людей, также началось обучение медиков.

Костомаров подчеркивал противоположность правления Алексея Михайловича и Петра Алексеевича. Первый полагал сущность царского служения, главным образом, в поддержании достоинства царского сана, был своего рода «царем-священником», почему и выстаивал длиннейшие церковные службы, утомительные придворные церемонии, во многом подражая византийским василевсам. Это умиляло благочестивых современников и некоторых историков. Но проблемы текущего правления не решались царем, который «царствовал, но не управлял». Злоупотребления местной власти приводили ко многим народным бунтам от Пскова и Новгорода до Царицына и Астрахани; неудачная церковная политика привела к страшному старообрядческому расколу, а затем к конфликту и с патриархом Никоном. Задачи выхода к морям, воссоединения с Западной Русью не были решены, несмотря на изнурительную войну. Не была проведена и модернизация экономики и армии. Точнее, все это начиналось и бросалось на полпути. Не было твердой государственной воли и решимости довести решение проблем до конца. Как человек мягкий, Алексей Михайлович не любил ссор, предпочитал со всеми поладить. Эта симпатичная человеческая черта переставала быть добрым качеством в носителе верховной власти, потому что приводила к нарастанию хаоса в стране, к старым проблемам присоединялись новые. Злоупотребление упованием на помощь свыше приводило к надежде на авось, и при «тишайшем» монархе стране более всего не хватало внутренней тишины.
Петр, не отложив надежду на Промысел Божий, стал проявлением подлинного человеческого героизма и трудничества. Он почти не «царствовал» - в византийском смысле слова, но зато реально управлял страной, трудился, сражался и всех подгонял. Его контраст с отцом был очень значительным, поэтому многим людям прошлого Петр показался почти антихристом. Хотя, напомним, что староверам, современникам Алексея Михайловича, антихристом казался сам царь Алексей. Между тем, именно Петр сумел поладить со многими из староверов и включить их в процесс государственного строительства.

Проблема насилия со стороны власти

Цена петровских преобразований была весьма значительной для державообразующего русского народа, принесшего основные жертвы для строительства империи. Точно людских потерь сосчитать невозможно. Некоторые современные историки, оправдывающие советские репрессии, пишут о миллионах погибших в Петрово царствование. Все население России к началу царствования Петра составляло около восьми миллионов человек, а к концу его царствования достигало десяти миллионов – с учетом присоединения Прибалтики. В середине 1650-х годов после присоединения Малороссии Московское царство насчитывало 5,5 млн. жителей. Но после этого последовали эпидемии чумы, разинский бунт и другие смуты, раскол с массовым бегством староверов из страны и массовым самоубийством, что в совокупности сократило население. В многочисленных войнах Петра, на разных стройках (и особенно – Петербурга) погибли десятки тысяч человек, а суммарные людские потери тех лет, возможно, исчисляются не одной сотней тысяч. Проблемой сбережения народа в те времена никто на планете еще не озаботился.
Конечно, хотелось бы, чтобы неизбежные жертвы строительства империи и ее побед были бы меньше. К сожалению, в реальной истории так не бывает. Цена победы, цена свободы своего народа всегда высоко, а «сыграть вничью» против сильного соперника никогда не получается. Выбор возможен только в двоичной системе: победа или поражение. Слабым

утешением тут должно служить то, что цена поражения всегда в разы больше, чем цена победы.
Кроме погибших на поле брани и в борьбе со стихией приходится вспомнить и жертвы государственных репрессий. Стрелецкий бунт 1698 г, Астраханский 1705, Булавинское восстание 1707-1708 г и другие мятежи подавлялись жестоко, казненных были сотни и тысячи. Невозможно отрицать общую жестокость правления Петра и его личную жестокость в ряде случаев, например, по отношению к сыну Алексею. Христианское чувство не может примириться с жестокостью и немилосердием; конечно, христианину ближе по сердцу правитель кроткий и милостивый. Но, к сожалению, как показывает история, такие лично добродетельные и кроткие люди редко бывают удачными правителями, так как не могут удержать власть в своих руках, а либо сдают ее сами в более цепкие руки (как Феодор Иоаннович – Борису Годунову), либо лишаются власти в результате заговора и переворота. Не обагряя своих рук, они оказываются не в силах предотвратить кровопролитие от рук чужих – при своей ли жизни, или после кончины. Юлий Цезарь, не желавший повторять репрессий Суллы («проскрипции»), правил всего полтора года и пал жертвой заговора, породившего смуту и гражданскую войну. А его преемник Октавиан Август, победно завершивший эту войну, в начале царствования повторил практику «проскрипций», обагрил себя кровью многих жертв, но зато процарствовал после этого более сорока лет, ставших золотым веком Рима.
Здесь появляются претензии не только к личности правителя, но встает вопрос о мирской власти, как таковой. Русские церковные историки подчеркивали, что царство кесаря качественно отличается от Царства Божьего и никогда таким не станет – здесь на грешной земле, в реальной истории падшего человека. В этом не помогут ни церковная ортодоксия, ни монархическая идеология, ни любая другая форма политического устройства. Государственная власть, даже преследуя цели общего блага и выбирая относительно разумные средства, всегда строится на принуждении и насилии, к которым прибавляет и экономические рычаги, и пропаганду, и (в самом лучшем случае) – свободное убеждение и собственную волю подданных. Государство вынуждено править всеми гражданами или подданными, которые живут на данной территории и сохраняют широчайший спектр противонаправленных целей, ценностей и интересов. В этом его глубочайшее отличие от Царства Божьего, свободно выбирающего и выбираемого от его подданных. Царь царей выше земного кесаря именно тем, что призывает и убеждает, но не принуждает вступающих в его Царство, которое не от мира сего.
Большое государство, империю с очень разнородным населением невозможно создать и сплотить без определенной доли насилия. Лишь пожив пару поколений в империи, народы, слагающие ее, могут понять и оценить ее преимущества и сами начнут беречь и защищать ее, - при этом отказываясь от своего узкого национализма. Да и сама империя лишь к тому времени научается хорошо и без больших сбоев управлять своими столь непохожими подданными. Со времен Аристотеля замечено, что демократическое устройство, более или менее уважающее права каждого отдельного гражданина, возможно только в малых государствах (полисах). Азиатские и европейские империи (персов, монголов, византийцев, османов) всегда собирались при помощи большого насилия, а держались уже не только насилием, но и определенной веротерпимостью и справедливостью. При этом со временем большинство населения таких империй начинало предпочитать власть сильного правителя (Чингиз-хана и Тамерлана) – власти мелких местных правителей (или самозванцев), оспаривавших власть у империи. Уместно здесь вспомнить крылатую фразу из культового

американского фильма «Патриот» в оценке роли британского империализма: «лучше один тиран за три тысячи миль, чем тысяча тиранов радиусе одной мили». Для империи насилие является не целью, но лишь средством, причем не единственным, не главным и преимущественно на начальном этапе, средством для поддержания порядка и законности на своей территории. А имперский порядок в любом случае оказывается для большинства населения предпочтительным, приносящим многие выгоды и в хозяйственном отношении. Он гораздо выгоднее, чем раздробленность и вражда «тысячи тиранов в радиусе одной мили». Империя обращает оружие насилия против меньшинства, в то время как мелкие тираны и бунтовщики – именно против большинства, хотя бы благодаря тому, что их слишком много приходится на единицу площади и на душу населения страны. Главная задача империи – экономическое и культурное строительство, к которому объем государства открывает новые возможности и которое важно для будущих поколений. Между тем мелкие правители успевают жить только малыми интересами и малыми возможностями и неизбежно со временем утрачивают государственный суверенитет даже относительно независимой страны.

Масштабные преобразования государства, крупные реформы, да еще и совершаемые в сжатые сроки, обусловленные внешним противодействием врагов, также не обходятся без насилия и принуждения. Кто-то не понимает их смысла, кто-то не желает их по своим корыстным расчетам, - и те, и другие им сопротивляются. Разъяснительная работа здесь необходима – и грех Петра в том, что он пренебрегал ее важностью, заменяя объяснения волевым решением. Но разъяснение далеко не всегда приносит желаемый результат. Наглядный пример – отмена крепостного права в России в 1861 г. Несмотря на проведенное разъяснение, освобождение крестьян сопровождалось сотнями мятежей и их жестким подавлением. Петровские реформы в главном были необходимы для страны – и по прошествии времени это стало совершенно очевидно. Но насилие при их проведении стало той «повивальной бабкой истории», о которой писал К. Маркс.

При этом Петр, применяя силу при подавлении сопротивления, действовал как сын своего времени и конкретно – продолжая традицию Московского царства, используя сложившееся московское законодательство и карательный аппарат. Жестокие меры подавления Московское царство унаследовало от Византии и Орды. Например, по Уложению (уголовному кодексу) царя Алексея Михайловича 1649 г, одобренному Земским Собором и патриархом Никоном, смертная казнь, причем в самых жестоких формах полагалась за полсотни преступлений. Еще за столько же полагались разные увечья (отсечение руки, вырывание ноздрей, клеймение лба и т.п.). Царствование Алексея Михайловича было «бунташным временем», бунты по разным причинам шли непрерывной чередой с конца 1640-х до середины 1670-х годов. Все они подавлялись весьма жестоко. При этом насилие старой московской власти, в отличие от петровской, лишь кое-как сохраняло государство от распада, но не давало ему никакого культурного и экономического развития.

Что касается лично Петра, то в отличие от Ивана Грозного, он не был садистом, находящим удовольствие в мучении жертв. По своему складу он был воином, а не палачом. Его жестокость проявлялась лишь иногда в виде отдельных вспышек ярости. Необузданность его нрава во многом объясняется воспитанием без отца (в три года он остался сиротой), отсутствием твердой мужской руки в детстве, общей неудовлетворительностью воспитания. Детские впечатления от ужасов стрелецкого бунта 1682 г, когда рядом с ним были растерзаны толпой его воспитатель Артамон Матвеев, двое дядей Нарышкиных и многие другие, а сам он чудом избежал смерти, сделали его нервно больным на всю жизнь. И

стрелецкие бунты, и отсутствие здоровой системы воспитания тоже были язвами старой московской жизни, требующей преобразований.
Тем, кто укоряет Петра, как разорителя византийского благочестия, можно привести примеры византийских василевсов. В наших святцах стоит немало императоров, оказавших большие услуги церкви и при этом бывших выдающимися государственными деятелями. Феодосий Великий (380-395) вынужден был подавлять мятеж цирковых болельщиков, в результате чего погибло до семи тысяч человек, в основном – случайных лиц. Насколько император был здесь лично виноват – сказать сложно. Можно с уверенностью утверждать лишь, что успех мятежа обернулся бы еще большими жертвами, однако епитимию за это, наложенную св. Амвросием Медиоланским, Феодосий понес со смирением. Похожему наказанию чуть не подверглась от этого же императора Антиохия, взбунтовавшаяся против повышения налогов, когда были разбиты статуи императора. Город был спасен от массовых казней лишь заступлением св. Флавиана и Иоанна Златоуста. Императором Юстинианом I при подавлении мятежа «Ники» в 532 г в Константинополе было перебито около 30 тысяч человек, тоже в основном случайной публики. (Примерно столько же гугенотов погибло в Париже в 1572 г во время знаменитой «Варфоломеевской ночи»). Те века не знали резиновых пуль и дубинок и слезоточивого газа, оружие было только боевым – отсюда и обилие случайных жертв. Для сравнения: при подавлении стрелецкого бунта 1698 г Петром было казнено около тысячи стрельцов.
Императрица Ирина, собиравшая 7 Вселенский собор за иконопочитание, снарядила позже и карательные экспедиции против еретиков-павликиан, во время которых погибло около 40 тысяч человек (!) а затем ослепила и умертвила своего сына Константина VI. А если вернуться по времени вспять еще дальше, то придется вспомнить, что и по приказу самого Константина Великого, которому Церковь обязана как никому другому из василевсов, были казнены его старший сын Крисп, жена Фауста, тесть Максимиан и зять Ликиний, казнены не без уважительных причин, но и без особого милосердия. Все эти императоры и многие другие с похожими деяниями поставлены Византийской Церковью в святцы, если оказали услуги Церкви.
Мы не за то, чтобы канонизировать и царя Петра, который был далек от привычного нам образа святости. Но и демонизировать его тоже не следует. Распространенным заблуждением в православной среде являются попытки раскассировать всех исторических деятелей христианских времен по двум ящикам: одних в святцы, других в «антихристы». Этот примитивный подход не учитывает ни сложности исторической картины, ни сложности человеческой личности и самого государственного служения. Не говорим уже о том, что такой подход предвосхищает Суд Божий и уже только поэтому неприемлем.

Державная воля

Как уже отмечалось выше, в «бонапартовом треугольнике» качеств правителя и полководца (воля, образованность и интуиция) основой является все-таки воля. Без нее нет правителя, образованность, интуиция и многие другие положительные человеческие качества ее не заменяют. Искренний и благочестивый человек, желающий всем только добра, отличный семьянин и талантливый ученый без этой державной воли не может быть правителем. Например, именно таким был хан Улугбек, талантливый математик и астроном, но не усидел на троне, был свергнут и умерщвлен. А вот его дед, жестокий и властный Тамерлан победил всех своих врагов и создал великую империю.

Говоря о воле правителя, имеют в виду не только то, что он не должен быть слабовольным рабом своих страстей и дурных привычек, но и то, что он должен выдерживать давление на него со стороны многих других воль и уметь заставить их подчиняться себе. При этом и сама воля правителя не должна проявлять колебаний, должна быть направлена к одним и тем же целям, так чтобы окружающие это видели, а, увидев, - поверили. Когда же этого нет, когда воля лидера колеблется, легко поддается давлению окружающих вельмож, советников, жен, фавориток, - в зависимости от того, чье давление было искуснее, - то и сам правитель становится игрушкой в чужих руках, а не самодержцем. Несамостоятельность или зависимость монарха от придворных и родственников в значительной степени подрывает смысл самодержавной монархии. В принципе любое государство управляется, хотя и многими умами, но непременно единой волей. А монархия и нужна для того, чтобы эта управляющая воля сконцентрировалась в лице царя и оставалась бы всегда публичной и ответственной, а не тайной, не скрытой, не безответственной, каковою и является обычно воля скрытой, закулисной власти «советников».

Воля правителя – это способность повелевать другими, добиваться быстрого и точного исполнения распоряжений. Без этого власть рушится, как таковая. Очень немногие из правителей, например, императрица Екатерина II или император Александр I Благословенный умели добиваться исполнения своих распоряжений с помощью личного обаяния без особого сопротивления со стороны подданных, умели заставить «подчиняться с приятностью». Обычно же люди сопротивляются чужой воле инстинктивно, даже воле родственника в начинаниях разумных и полезных. Поэтому гораздо чаще правителю приходится подчинять подданных разными формами и средствами. Эта «собачья» особенность должности правителя вызывает к нему антипатию. Невозможно добиваться подчинения и при этом всем нравиться. Императоры Николай I и Александр III, умевшие повелевать, хотя и в самых культурных формах, не нравились, тем не менее, очень многим.

Умение повелевать другими людьми – довольно редкая индивидуальная способность тех, кто, действительно, предназначен для власти. История знает многих законных монархов, «рожденных на ступенях трона, но не для трона», лишенных этой способности добиваться подчинения, и как следствие, не удержавших власть в своих руках с катастрофическими последствиями для своей страны. Это – особый талант, подобно другим талантам даруемый человеку свыше. Например, св. Григорий Богослов отмечает эту способность в своем друге – св. Василии Великом, который, может быть, как потомок династии каппадокийских царей, был прирожденным лидером, умевшим подчинять себе других, как бы особой «энергетикой». «Улыбка его заменяла похвалу, а нахмуренные брови – выговор». Сам св. Григорий, не уступавший св. Василию, ни в образовании, ни в даре слова, ни в нравственных качествах. Совершенно был лишен этой лидерской способности, оставаясь по внутреннему человеку поэтом и мистиком. Поэтому он проиграл церковно-политические баталии, лишился Константинопольской кафедры и удалился в уединение. Властностью Василия и сам Григорий тяготился и даже роптал на нее, - однако подчинялся ему. Подобным св. Василию властным церковным лидером был и св. Амвросий Медиоланский – тоже потомок императорской династии Антонинов.

Наглядный, хотя и литературно-художественный пример того, как именно державной волей истинный монарх отличается от лже-монарха, приводит А. Дюма в романе «Виконт де Бражелон». В результате заговора иезуитов король Людовик XIV попадает в Бастилию, а его брат-близнец, вовлеченный в заговор и не отличимый по внешности от короля, оказывается во дворце. Заключенный король, избитый и оборванный, говорит с тюремщиками и с

комендантом с такой властью, что те его выпускают. Придя во дворец, король сталкивается на балу с братом-близнецом, которого не может отличить от настоящего короля никто из придворных и даже сама королева-мать Анна. В словесном поединке с братом король произносит фразу: «Капитан д'Артаньян, арестуйте этого негодяя!» Как эхо, ту же фразу произносит и ложный король, но капитан д'Артаньян арестовывает именно его. На вопрос придворных: как он угадал, капитан отвечает: я услышал голос, которому привык повиноваться. Одной фразе, сказанной королем и лже-королем, сопутствовала разная воля: с одной стороны, державная и повелевающая, с другой, просто оппонирующая. Настоящие государевы слуги эту разницу умеют чувствовать хорошо. Король – это тот, кто повелевает и добивается исполнения своих приказов, а не тот, кто просто говорит и играет роль.

В свое время министра-председателя Временного правительства А. Керенского остроумно назвали «главно-уговаривающим» и «главно-разговаривающим» по противоположности с главнокомандующим. Подобный персонаж истории не может быть правителем и является антиподом носителю власти. У таких личностей власть всегда отбирают те, кто может ее удержать. Бонапарт так выразился о своих предшественниках во власти времен революции: «Я не узурпировал корону Франции, я нашел ее в мусорной корзине и достал ее оттуда своей шпагой».

Христианская этика ставит этой державной воле нравственные ограничения, точнее самоограничения для ее носителей. Воля монарха-христианина не может быть абсолютной, она принципиально ограниченна заповедями Божиими. Это вытекает из установки, что любой христианский монарх властвует не от себя и не во имя свое, но получает власть от Бога-Вседержителя (Пантократора). Любой земной самодержец (автократор) является по отношению к Пантократору лицом служебным, обязанным творить волю Вручившего ему власть и подлежащим ответственности за нее.

Но так рисуется в идеале, а в реальной истории дело обстоит сложнее. Любой монарх – человек, а не Бог, и ничто человеческое ему не чуждо. Таковыми же являются и его подданные, начиная с ближайших советников. Сознательно творить зло, нарушать волю Божию, решались очень немногие монархи. Большинство же согрешало злоупотреблением властью, по принципу: цель (разумеется, благая!) оправдывает средства. И действительно, какие-то средства благая цель оправдывает; вопрос лишь в том, какие именно. При этом нужно иметь в виду и то, что нормальное государственное управление, во-первых, требует от правителя реагирования сразу по нескольким вопросам в условиях дефицита времени, во-вторых, совершается, как правило, в условиях недостатка информации по этим вопросам, и в-третьих, требует принятия четких и однозначных решений. Самым неудачным из них зачастую оказывается простое уклонения от действия в надежде, что все разрешится само собой. К этому нужно добавить часто встречающееся сознательное введение правителя в заблуждение или провоцирование его на неправильные решения со стороны конкурирующих лиц (или групп) в его окружении. В таких условиях любой правитель совершает большее или меньшее количество ошибок и грехов. Как война не бывает без потерь, так и любое правление. И если даже, согласно известной поговорке, у каждого врача есть свое кладбище (те, кого он отправил туда ошибочным лечением), то тем более, у каждого правителя имеется свой обширный некрополь. При этом к правителю нельзя даже применить другую поговорку: не ошибается тот, кто ничего не делает, ибо, как показывает история, первое лицо в государстве наиболее тяжко согрешает именно своим бездействием, дающим простор вредительской деятельности внешних и внутренних врагов.

Вышесказанное можно приложить и к царю Петру. Прежде и паче всего он сознавал себя монархом и оставался им и в рабочей блузе и в солдатском мундире. Царская власть после смерти его отца, царя Алексея, попала в слабые руки смертельно больного брата Феодора Алексеевича, а затем была узурпирована сестрой Софией и фаворитом, князем Голицыным. Эту власть, принадлежащую ему по праву, Петр сумел взять в свои руки и не уступил ее ни боярским группировкам, ни разным мятежникам и заговорщикам. Он был не по имени только, но и по существу, самодержцем всероссийским со всеми плюсами и минусами этой огромной власти. При этом его права на престол подтвердили два земских собора (1682 и 1689 г), и он был помазан на царство патриархом Иоакимом. Поэтому его особо возмущала клевета, будто он самозванец, выдвинутый немцами вместо умершего законного царя. Клевета эта сопровождала Петра почти до конца его правления и вызывала репрессии с его стороны.
Недостатки крупного деятеля суть, как правило, оборотные стороны его достоинств. Энергия и государственная воля Петра имела своей оборотной стороной жестокость по отношению к людям. Но так бывало почти у всех правителей, кого знает история. Вывод отсюда один: не идеализировать и не демонизировать земное государство и его возглавителей, не спешить с оценками, типа «золотой век» или «царство зверя», которые почти всегда оказываются пропагандистскими штампами, не отражающими сложную действительность.

Петр и византийская симфония

Одно из главных обвинений против Петра заключается в отвержении им византийского идеала православного царя, как главного хранителя православной веры, и нарушение им симфонии с церковью. Но прежде чем оценить обвинение такого масштаба, нужно посмотреть, насколько сам этот идеал, официально декларируемый в Византии, реально в ней же соблюдался и к каким плодам приводил на деле.
Автором-идеологом православного царства справедливо считается император Юстиниан I (527-565 г). Как христианский римский государь, он ставил себе двуединую задачу: во-первых, чтобы окружающие страны стали христианскими, и, во-вторых, чтобы они вошли в орбиту империи ромеев. Это соединение христианской и римской идеи – вселенской религии и универсальной империи – было в целом привлекательным и восходило к традиции ранних христианских апологетов, если не сказать, самих апостолов. Против такой цели, наверное, не стал бы возражать и царь Петр. Однако в самой декларированной двуединой цели уже было скрыто потенциальное противоречие, понимаемое нами только теперь, в современном политическом контексте, когда мы уже сознаем необходимость политической и культурной многополярности мира. Весь мир под одну политическую империю собрать невозможно, и, пытаясь подчинить себе народы, не торопящиеся влиться в единую империю, вам волей-неволей придется затруднить до невозможности христианскую миссию в этих самых народах. Не забудем, что Царство Божие не от мира сего, это не есть царство одного императора, и распространяется оно не завоеванием, а проповедью.
И действительно, в своей реальной политике Юстиниан более двадцати лет провел в тяжелой войне против христиан-готов в Италии, войне, которая унесла жизни до полутора миллионов человек (по некоторым оценкам) и разорила всю страну. Такую войну невозможно считать выполнением задачи по утверждению как христианства, так и империи. Наследники Юстиниана также много воевали не только с западными христианами, но и с восточными единоверцами. Одна только война Византии с болгарами, тянувшаяся более ста лет (конец IX – начало XI в) и сопровождавшаяся порой изуверской жестокостью, показывает как явное

несоответствие идеальных деклараций с реальной политикой, так и определенное несовершенство самого идеала. Византия, с конца VII века утратила большинство восточных провинций и тем самым превратилась в почти мононациональное греческое государство, тем самым утратив характер универсальной Римской империи. Римскую имперскую идею, стоявшую на справедливости и веротерпимости, сменил греческий национальный шовинизм, лишенный обеих этих составляющих, который встретил сопротивление со стороны национализма других народов. Объединителем даже только восточных христианских народов Византия так и не стала.

Юстиниан видел свою задачу в утверждении ортодоксии, лично разрабатывал анафемы на еретиков (оригенистов, несториан), собирал соборы и заставлял их эти анафемы утверждать. Он законодательно запретил деятельность более двадцати сект и ересей, приравнял ересь к уголовному преступлению, изгнал из империи несториан, вызвал притеснениями массовую эмиграцию монофизитов. Им были организованы принудительные крещения десятков тысяч последних язычников и иудеев, закрыты последние языческие школы (в т.ч. Академия в Афинах) и изгнаны их учителя. Сопротивление самарян было жестоко подавлено. Политика религиозной нетерпимости прямо противоречила и многовековой римской традиции, и политике первого императора-христианина Константина Великого, главный указ которого, Миланский эдикт, был указом именно о веротерпимости и свободе совести. Политика же Юстиниана превратила во врагов империи огромные массы населения, в том числе «нехалкидонских» христиан, коптов, сирийцев, армян, что пагубно сказалось на стране через полвека, сначала при нашествии персов, а потом и арабов. Огромные провинции с миллионами жителей без боя перешли под власть более терпимых исламских правителей.

Принудительная ортодоксия и внешнее благочестие способствовали развитию лицемерия, симуляции православия, глубокой душевной испорченности. Пресловутая «ипокрисия» (=лицемерие), «благочестие, окаменевшее в маске» с тех пор стало главной чертой византизма, невыгодно отличающей его не только от апостольского и раннего христианства, но даже и от лучших проявлений римской государственной традиции и античной нравственной философии. На примере носителей верховной власти этот контраст особенно заметен. Казалось бы, христианские монархи должны быть по своим моральным качествам много выше языческих императоров. Но если внимательно сравнить лучших римских цезарей и лучших византийских василевсов, то с удивлением обнаруживаешь картину прямо противоположную. Коварство и вероломство византийцев явно контрастируют с прямотой и честностью не только императоров Антонинов II века, но и «солдатских императоров III в. А прикрытием коварства всегда служило фарисейское по сути благочестие. А фарисейство, как известно из Евангелия, строится на идее групповой исключительности и нетерпимости ко всем другим, «неизбранным» людям. Так не здесь ли и скрыта причина проигрыша византийских императоров в нравственном отношении? При этом не стоит забывать и об узаконенной коррупции, деморализующей правящий византийский строй. Олигархическое правление, утвердившееся в Византии, истощало государство, обостряло социальные конфликты. Все эти болезни «образцово-православной» Византии подробно разобраны русскими историками XIX-XX в. Византийское лицемерие отравляло самих греков и служило соблазном для всех их соседей. Поэтому образцом православного государства Византия считаться никак не может. Она привела к коллапсу, как империю, так и саму христианскую веру, если под последней понимать не только правильное ортодоксальное исповедание.

К сожалению, эта византийская традиция была совершенно некритично воспринята Москвой. В Москве поверхностно рассудили, что будто бы Византия пала только из-за унии с Римом, а в остальном ее пример достоин подражания. В полном соответствии с фарисейской традицией главным в благочестии считалось не оскверниться от еретиков, что нашло свое отражение в обрядах царского двора, когда иностранным послам накрывали отдельный стол, а после целования царской руки руку эту тотчас мыли, копируя талмудические правила вполне буквально.

В этом отношении курс Петра I на расширение веротерпимости для своих подданных стал возвращением к римской и Константиновой традиции, хотя и нарушением традиции византийской. Этот курс более соответствовал духу христианства, уважающего свободу совести, а с точки зрения имперского строительства, он был единственно верным. Только так можно было постепенно научить подданных избегать религиозных конфликтов и привлечь новых людей, инославных и староверов, для строительства единой империи. Два века, прошедшие после Петра, подтвердили правильность его религиозной политики, продолженной другими российскими императорами.

Поддержка православия, как господствующего исповедания, при Петре сохранилась, и это тоже было правильно и неизбежно. Неприятное впечатление в этом отношении составляют выходки молодого царя в виде кощунственного «всешутейшего собора», нападки на православные обряды, запрет на ношение бороды. Эти поступки оправдать нельзя. Но должно отметить, что все это были лишь хулиганские выходки невоспитанного молодого человека в возрасте 17- 22 лет, а вовсе не продуманная и последовательно проводимая государственная политика. А вот эта политика зрелого императора Петра была-таки направлена именно на поддержку Церкви, о чем свидетельствуют и новые построенные храмы, и основанные духовные школы, и поддержка образованного духовенства, и даже царские указы о наказании за кощунство над святынями в армии и на флоте. Сам Петр всегда участвовал в богослужениях, любил читать на литургии Апостол. Брал в походы Казанскую икону Богородицы и часто перед нею молился. Именно Петр учредил в армии и на флоте постоянное военное духовенство, походные храмы с регулярным богослужением. Важным литургическим памятником петровских времен остались для нас две праздничные благодарственные службы Триединому Богу за дарование Полтавской победы и заключение победного Ништадтского мира в Северной войне.

Главное обвинение против Петра в области церковной политики – это нарушение им церковно-государственной симфонии, то есть, подчинение церкви государству. Если обратится к классическим истокам, то само слово «симфония» появляется в 6 новелле Юстиниана в качестве средства служения христианского государства Богу, и там речь идет о симфонии «царства и священства». Историки отмечали, что, по Юстиниану, речь не идет о симфонии государства и церкви, тем более, общества и церкви, но в гораздо более узком смысле – царства и священства. И если царская власть выражает собой монархическое государство, то священство, а точнее, даже епископат, полностью всю церковь в своем лице не представляют. Сам Юстиниан столкнулся с этим явлением, когда в 540-х годах сумел навязать западному епископату осуждение «трех глав» - анафемы на умерших представителей Антиохийской богословской школы, но при этом встретил упорное сопротивление со стороны церковного народа. Позднее эта же картина повторялась неоднократно: епископы, испытав давление императора, принимали «симфонические» решения, но оппозиция церковного народа эту симфонию разрушала. При этом нельзя сказать, что глас церковного народа всегда был гласом Божиим, например, массы

монофизитов были неправы, выступая против Халкидонского собора. В поздневизантийскую эпоху, когда императорская власть ослабела, а патриаршая, наоборот, усилилась, было немало нарушений симфонии и со стороны патриаршей власти. Таким образом, симфония государства и церкви с самого начала была недостаточно точно определена и впоследствии неоднократно нарушалась с обеих сторон. Государство стремилось поставить церковь под свой полный контроль, церковная власть использовала слабость государства для усиления своего контроля над царской властью. Идеал оставался только на бумаге, реальная политика брала свое. Правильные церковно-государственные отношения мог сформировать только многовековой опыт.

Не следует забывать еще один существенный факт. С 1453 года, завоевания Константинополя турками, выбирать и утверждать патриарха Второго Рима стал султан, мусульманин, а сам патриарх приносил ему присягу верноподданного. Русские историки, подробно рассмотрев положение Константинопольской патриархии под властью турок, приходят к выводу, что говорить о рабстве, порабощении церкви, в данном случае не приходится. Скорее перед нами некий симбиоз (если уж не симфония) султанской власти с патриархией, наделенной статусом государственной церкви и всеми административными функциями в отношении христианского населения Османской империи. Об этом говорят, с одной стороны, большие права патриархии, предоставленные ей султанами, а с другой, признание султанов правопреемниками византийских василевсов и полная поддержка Высокой Порты со стороны патриархии, причем не только в мирных делах внутри империи, но и во всех войнах Порты с православными «северными варварами».

Эта картина восточного православия была и перед глазами Петра. Подчиняя себе церковное управление, он смотрел не только на Запад, где главой местной протестантской церкви был монарх (в соответствии с принципом Реформации: чья власть, того и вера), но и на Восток, где православная церковь «симфонически» поддерживала власть монарха исламского. Примеров независимости церкви и ее свободного сотрудничества с христианским государством не было нигде.

Если бы Петр действовал более спокойно и осмотрительно, он бы не стал упразднять патриаршество, как таковое, ибо оно символизировало автокефалию Русской церкви, с таким трудом добытую в борьбе с греками в 1589 г. Этот разрыв с традиционной русской политикой был, действительно, ошибкой. Но, с другой стороны, ко времени Петра авторитет патриаршества, да и архиерейства в целом, сильно упал. Из вековой истории патриаршества у нас было лишь два святых патриарха, времен смуты – Иов и Гермоген, которые своим духовным авторитетом прославили высоту своего сана. А затем картина сильно изменилась. Патриарх Никон последовательно вступил в конфликт с церковным народом (по поводу «исправления» обряда), затем с епископатом, с боярством, наконец, и с самой царской властью. Церковь он оставил в состоянии глубочайшего и неисцельного раскола, по сути, в руинах. Его преемники сами просили царскую власть навести порядок в церкви, укротить опального строптивого патриарха, усмирить бунтующих ревнителей старого обряда. Неспособность епископата решать внутрицерковные проблемы самостоятельно, пастырски подойти к своим пасомым, была очевидной. «Князья церкви» пытались усиливать свою личную власть с помощью власти царской, а усилившись, как Никон над Тишайшим монархом, - диктовать ему уже свою волю. Спрашивается: кому же такое могло понравиться? Петру такие «князья» были не нужны, ему хватало своих чиновников (и их прикрытой оппозиции). Таким образом, главная вина за превращение церковного управления в отрасль государственного аппарата, а архиереев – в чиновников, лежит на самих церковных

деятелях. Они отстаивали свои привилегии, свое положение «церковных бояр», свои церковные вотчины. При самоограничении в материальном и правовом плане, при осознании себя пастырями, а не церковными властителями, они могли бы избежать многих проблем. Претензии Петра ставились к тем, кто претендовал на альтернативную власть, смотрел на церковь, как на государство в государстве.

Если вставал вопрос о строительстве империи, то тут Петру неизбежно приходилось ломать старую московско-византийскую традицию – поскольку она сама, как мы видели, сломала и подменила собою традицию римской веротерпимости. Все патриархи после Никона были гонителями староверов. Про патриарха Иоакима известно, что он казнил еретика Якова Кульмана и его товарищей. А Петру требовалось привлечь к государственному строительству и европейских протестантов, и своих староверов. Ему это и удалось, но, к сожалению, не в союзе с российским патриаршеством. Но именно Петр сумел наладить отношения со староверами, например, с поморами-беспоповцами Выгодской общины. Петр оставил им свой обряд и свое внутреннее самоуправление, запретив только проповедь изуверства и самосожжения («гари»). На таких условиях привлек их к строительству Петрозаводска и всей северной России. После петровских времен на два столетия отношение к инославным в российской империи сделалось значительно более терпимым, чем в Московском царстве, и рост самой империи засвидетельствовал правильность этого пути.

Стоит напомнить, что настоящих пастырей, духовных, непритязательных, образованных, Петр искренне уважал: св. Митрофана Воронежского, Димитрия Ростовского, Иоанна Тобольского, Иннокентия Иркутского. Последних трех он сам продвигал в епископы. Ограничив материальные богатства церкви и ее права, он предоставил возможность пастырям заниматься учительством и духовными делами. Именно с его времени начинается ряд русских духовных писателей, ученых епископов, прославивших Русскую церковь сочетанием образованности и духовности. Именно синодальная эпоха дала нашей церкви целую плеяду святителей-миссионеров, которых почти не было прежде.

Вспоминают и о посягательствах Петра на церковные владения, обложенные им налогами наравне со всеми, о превращении монастырей в госпитали для раненных, богадельни и сиротские дома. Историки отмечают, что в середине XVII в монастырские и архиерейские владения, не обложенные налогами, составляли около 40% всех обрабатываемых земель Московского государства. При тяготах войны, когда рядом разорялись тяглые государевы люди, платившие огромные налоги, церковные владения относительно благоденствовали. На эту несправедливость многократно указывали на земских соборах тяглые и служилые люди, требуя уравнения в повинностях. Но церковные лидеры упирались. Разумному самоограничению и элементарной справедливости препятствовала их установка сознания, что церковь существует для себя, она должна брать, а не давать, а государство и народ должны ее содержать. Установка ветхозаветная, близкая первосвященникам эпохи Второго Храма, но никак не евангельская и не апостольская.

Про претензии к государству относительно принуждения церкви к социальной благотворительности даже неловко и говорить. Таких претензий не могло быть у св. Василия Великого и Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского и других классических отцов древней Церкви, занимавшихся церковной благотворительностью в очень широких масштабах. Сами такие претензии только подтверждают тот факт, что московское православие XVII в по духу своему уклонилось в сторону ветхозаветной церкви, обрядового благочестия и материального стяжательства, утратив в значительной степени дух

апостольского и святоотеческого христианства. Московское православие ко временам Петра переживало острый кризис в связи со всеми накопившимися проблемами и никак не могло считаться эталоном истины. Оно само требовало исправления – и получило его далеко не в самом плохом варианте.

К сожалению, Петр по натуре своей привык «вышибать клин клином». Церковные проблемы требуют для исправления больше времени, чем государственные, ибо касаются человеческой совести и убеждений. Тезису московского православия Петр в значительной степени противопоставил антитезис простого его отрицания. Необходимый синтез сформировался позднее, в XIX веке на базе сформировавшейся русской духовной школы и нового поколения архипастырей. Как говорил св. Филарет Московский, «духовную коллегию (Петра I) Промысел Божий и церковная жизнь преобразовали в Святейший Синод»; то же можно сказать и о других сторонах церковной жизни. Язвы московской церковности требовали исправления, при этом не исправлялись самими церковными возглавителями. При таком положении петровская встряска была неизбежна.

Но говорить, будто Петр исказил или разрушил русское православие можно только по невежеству или по пристрастию. Что такое настоящая церковная революция и реформация, какие многовековые религиозные войны с миллионными жертвами она приносит, - нам показывает история Запада, но не петровский период. Ту Церковь, глава Которой Сам Христос, за всю историю никто не разрушил. Те же церковные формы, которые создавались людьми в определенных исторических условиях, в других условиях разрушали и перестраивали другие люди, создавая новые формы. Если до сих пор считается, что Константинопольская патриархия за пять веков жизни под турками и служения султанам, при открытой симонии, коррупции и прочих безобразиях сохранила «чистоту православия», то уж Русская Церковь сохранила ее тем более – под властью христианского монарха Петра I и его приемников.

Заключение

На рубеже XVI-XVII в лидером-реформатором мог стать Борис Годунов, но был отвергнут основной массой народа, предпочетшей ему демагога и самозванца. Петр смог не допустить повторения сценария смуты; он в значительной мере притупил церковный раскол, не дав ему вылиться в настоящую религиозную войну по образцу недавних европейских войн Реформации. Петр обрел себе опору в новом служилом слое, провел масштабные реформы. В этом его великое значение, как именно национального лидера. Его опыт не был однозначным и бесспорным. В спокойном XIX веке его критиковали за «тиранию», в революционном XX веке о нем с тоской вспоминали, как о таком лидере, который мог бы остановить революцию

На самом деле национальный лидер, которые решает подлинные национальные задачи, ликвидирует отставание прошлых веков и пролагает пути на десятилетия вперед, редко бывает популярен среди большинства современников. Его видение будущего от многих закрыто, его вторжение в привычный уклад, его требование усилий и жертв всегда встречает сопротивление. Так бывало с национальными лидерами разных времен и народов, и Петр здесь не явился исключением. Современники всегда предпочли бы правителей «застойного типа», про «тишайшие» или сонные нравы которых легко рассказать смешной анекдот, которые «сами живут и другим дают», не докучают государственной элите какими-то идеями и национальными проектами. Только после правления таких «застойщиков» страну зачастую

ждут потрясения и катастрофы, поскольку накопившиеся проблемы сами переводят свое количество в качество, а расслабленные граждане отвыкают от борьбы и труда. А после правления национальных лидеров, страна еще долго живет накопленной ими энергией, эксплуатирует их свершения и достижения.
Если Бог посылает народу неординарного правителя, который может поднять страну и общество и действительно стать национальным лидером, то правильно поступит народ и общество, если умерит свой уровень требований к такому вождю.

Еп. Дионисий
2015